

УДК 811.112.2 – 11

ББК 81.43

Е.Л. Орлова

МЕТАФОРА И БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Статья посвящена функционированию метафоры в немецком политическом дискурсе. Автор рассматривает политический дискурс с позиций социопсихолингвистического подхода и анализирует метафору как одну из технологий речевого воздействия.

Ключевые слова: Политический дискурс, политическая метафора, стратегии убеждения, концепты «свой» – «чужой».

E.L. Orlova

METAPHOR AND RACE FOR POWER

The article is devoted to the functioning of metaphor in the German political discourse. The author makes an attempt to analyze the political discourse in terms of social psycholinguistic approach and studies metaphor as one of the technologies of the speech influence.

Key words: political discourse, political metaphor, persuasion strategies, concept «friend-or-foe».

Настоящее исследование посвящено анализу метафоры в немецком политическом дискурсе. Политический дискурс является одним из типов институционального дискурса. В самом общем виде его можно представить как совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников и формирующих конкретную тематику политической коммуникации [1]. Существует три точки зрения на данный феномен:

- филологическая, при которой политический дискурс понимается как любой другой текст (однако учитываются фоновые знания о конкретной политической ситуации);
- социопсихолингвистическая, при которой основной целью изучения политического дискурса является измерение эффективности при достижении скрытых или явных (но несомненно, политических) целей говорящего;
- индивидуально-герменевтический подход применяется для выявления личностных смыслов автора и/или интерпретатора дискурса в определенных обстоятельствах.

В нашем исследовании мы опираемся на социопсихолингвистический подход при исследовании политического дискурса. Данный подход в большей степени ориентирован на анализ интенциональных аспектов политической коммуникации. Основной целью политической коммуникации является борьба за власть [7], которая и конструирует сущность политического дискурса, обуславливая манипулятивную природу политического дискурса и определяя характерные для него стратегии и тактики. Таким образом, внимание исследователей концентрируется на выявлении целевой направленности коммуникации, анализе стратегий и тактик текстообразования, рассмотрении характеристик субъекта коммуникации как инициатора дискурса, реализующего свои намерения, адресата, на

которого прямо или косвенно направлено сообщение, а также ситуации коммуникации как совокупности экстралингвистических факторов общения [Баранов, Паршин, 1986; Винокур, 1993; Жуков, 2002; Макаров, 1998, 2003; Трошина, 1989; Серль, 1986; Сухих, 1986; Филинский, 2002; Dijk van, 1997; Schudson, 1997 и др.]

При этом основным системообразующим критерием для определения границ политического дискурса служит **тематический определитель цели «борьба за власть»**, так как при наблюдающемся жанровом и стилевом разнообразии все остальные критерии лишь уточняют основной и варьируются в зависимости от контекста. В связи с этим можно сделать вывод о том, что все **коммуникативные стратегии убеждения** в рамках политического дискурса должны рассматриваться как служащие единой цели – борьбе за власть.

Из сказанного выше следует, что на сегодняшний день прагматические задачи служат основным стимулом для исследований **технологий речевого воздействия в политическом дискурсе**. Актуальность этих исследований доказывается тем, что манипулятивные стратегии и тактики речевого воздействия могут существенно повлиять на оценку массами тех или иных политических событий, на популярность политика или политического проекта и в конечном счете на поведение масс в целом.

В современном политическом дискурсе активно используются средства образного воздействия: тропы и фигуры [9]. Яркие и наглядные образы понятны и легко запоминаются. Наиболее распространенным образным средством, присутствующим в арсенале практически любого политика, является метафора.

Объектом исследования является политическая метафора в современном немецком языке.

Следует отметить, что «политической» принято считать любую метафору, присутствующую в политическом дискурсе. А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов определяют политическую метафору как «речевое воздействие с целью формирования у реципиента (чаще всего – у общества) либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической единице (политике, партии, программе, мероприятии)» [3].

Предметом исследования являются особенности функционирования метафор в политическом дискурсе на материале немецких общественно-политических журналов и газет «Der Spiegel», «Deutschland», «Die Zeit» под рубрикой «Politik» и официальных сайтов немецкого Бундестага и парламента. Анализ языкового материала показывает специфику функционирования концептов СВОЙ – ЧУЖОЙ в простейших типах концептуальных зависимостей:

- А есть В (А представляет собой В);
- А имеет В (А имеет, обладает свойством В);
- А имеет отношение к В (А связано с В).

Рассмотрим эти ассоциативные зависимости на некоторых примерах.

Aber all das war nur eine freundliche Geste, die anderen sollten und durften wissen, dass Frankreichs erster Mann schon unterwegs war zu seinem Husarenritt vom Ufer der Moskwa bis zu den Gestaden des Schwarzen Meeres. Was Sarkozy von dort zur ckbrachte, billigten anderntags die EU-Aussenminister in Brussel, auch wenn der litauische Praesident Valdas Adamkus da das Abkommen bereits mit jenem von M nchen 1938 verglichen hatte, als die westlichen Verb ndeten vor Hitlers Besetzung des S detenlandes einknickten (Die Zeit 20.08.2008).

В данном случае отождествление, или идентификация, строится по модели "А есть (представляет собой) В" и осуществляется через прямую номинацию; разграничение "своих" и "чужих" происходит на основе символов Добра и Зла, соответствующих модели мира говорящего. Президент Франции Николя Саркози и министры иностранных дел ЕС отождествляются с «чужими», со злом. А политика России по отношению к Грузии сравнивается с захватническими войнами фашистской Германии.

Гитлер и фашистская Германия – не единственные образы, применяемые для характеристики политики России в Северокавказском регионе. В следующем примере, взятом из статьи под названием «Rote und wei e Zaren», разворачиваются две доминантные модели: Путинский

режим – царизм и прямая параллель Путин – Сталин.

Stalin lesen hei t Putins Kaukasus-Strategie verstehen.

Aus diesem ber hmten Gespr ch mit Milovan Djilas lie  sich eine Stalin-Doktrin arbeiten: Wo wir sind, da bleiben wir. Die Putin-Doktrin lautet: wo wir waren, werden wir wieder sein, aber diesmal nicht mit dem Bolschewismus, sondern mit Neo-Zarismus, einem Gemisch aus Alleinherrschaft und Oligarchie. ... Au erdem geht es Putin, wie einst Stalin, nicht blo  um Einfluss, sondern um Herrschaft. Wer sich wie Georgien nicht unterwirft, wird portioniert und einverleibt – siehe die Anerkennung Abchasiens und S dossetiens, die Pufferzonen und die Einnahme der Hafenstadt Poti.

Ist das der Kalte Krieg Nr. 2? Als Glaubenskampf, nein, als Macht- und Willensprobe sehr wohl. „Die beste Analogie“, schreibt der Georgien- und Stalin-Kenner Montefiore, „ist die Berlin-Krise“. Dort „hat Stalin den Westen genauso auf die Probe gestellt, wie es Putin heute in Georgien tut“. (Die Zeit 27.08.08)

Модель *Путинский режим – царизм* занимает самую сильную позицию в тексте – заголовок – и призвана привлечь внимание читателя, создавая эффект усиленного ожидания. Читатель не знает, о чем конкретно пойдет речь в статье, и понимает смысл метафоры «Rote Zaren» только после прочтения полного текста. Слова rote und wei e Zaren, Neo-Zarismus, Alleinherrschaft, unterwerfen, portioniert und einverleibt werden образуют единую семантическую область и создают тематическую целостность фрагмента.

Параллельно этой модели разворачивается модель Путин-Сталин, эксплицируемая в подзаголовке статьи: *Stalin lesen hei t Putins Kaukasus-Strategie verstehen*. Развертывание этой метафоры на синтактико-семантическом уровне происходит за счет неоднократного лексического повтора *Stalin*, использования лексических единиц одной тематической принадлежности: *eine Stalin-Doktrin, Bolschewismus, der Kalte Krieg* и параллелизма: *eine Stalin-Doktrin – die Putin-Doktrin, Wo wir sind, da bleiben wir – Wo wir waren, werden wir wieder sein*.

В двух вышеприведенных примерах реализуется общая стратегия дискредитации внешней политики России с помощью исторической аллюзии, то есть соотнесения с известными историческими деятелями и событиями. При этом негативные характеристики, приписываемые Гитлеру и Сталину и следствиям их политической деятельности, по принципу аналогии переносятся на Путина и его внешнюю политику.

Рассмотрим вторую модель – «А имеет, обладает свойством В»:

Die Zeitschrift für den gebildeten Muschik heit Der Br. Er ist das Wahrzeichen des russischen Mannes. Der Br ist maig und unberechenbar, er jagt und nimmt in Besitz, ist zu groen Kraftanstrengungen und tiefen Faulheitsphasen fhig. Die monnerdikierte Machtpartei Einiges Russland, deren Ideologie sich in der Untersttzung des Prsidenten Wladimir Putin erschupft, malte sich einen Bren auf ihre Fahnen (Die Zeit 29.09.07).

Вторая модель предполагает сближение по свойствам – агрессивные качества, лень, грубость – российских мужчин и медведей. Исходной метафорой данного текста (фиктивным денотатом) является именная метафора *der Br* с отрицательной оценочностью. Фиктивные денотативные признаки (*Der Br ist maig und unberechenbar, er jagt und nimmt in Besitz, ist zu groen Kraftanstrengungen und tiefen Faulheitsphasen fhig*) имплицитно переносятся на другой, реальный денотат (*der russische Mann*). Таким образом, реальному денотату приписываются признаки агрессивности (*er jagt*), мощи (*maig und unberechenbar*), властности (*nimmt in Besitz*), физической нестабильности (*ist zu groen Kraftanstrengungen und tiefen Faulheitsphasen fhig*). Существует и другой реальный денотат – партия Единая Россия, возглавляемая Владимиром Путиным. Референция на символ Единой России – медведя – подразумевает приписывание себе Единой Россией качеств, обозначенных выше. Однако опускается из виду, что медведь в российском менталитете ассоциируется с «добрым мишкой – Топтыгиным, хозяином леса» и вызывает положительные эмоции.

Таким образом, развертывание метафорической модели с фиктивным денотатом *медведь* происходит последовательно за счет темарематической цепочки:

T1-R1 (*die Zeitschrift* – ein Br)

T2-R2 (*der Br* – *der russische Mann*)

T3-R3 (*der russische Mann* – *die Machtpartei Einiges Russland*)

T4-R4 (*Einiges Russland* – *der Br*)

Через указание на признаки, присущие объекту, устанавливается его "фамильное сходство" с концептами СВОЙ – ЧУЖОЙ. По совокупности признаков российские мужчины отождествляются с «чужими». Далее следует несвязный логический переход к политической партии «Единая Россия» и бывшему президенту России В.В. Путину. При этом вывод доверено сделать адресату на основе установления ассоциативных зависимостей, которые имеют достаточную

убеждающую силу. Семантический вывод об идентификации объекта подается имплицитно (его доверено сделать самому адресату), а всякое знание, "добытое собственными интеллектуальными усилиями", осознается как свое, личное ("приватизация знаний", по Баранову). Представления о "характерных" свойствах и уместности приписывания этих свойств в политическом дискурсе служат основой для идеологической нагруженности и стереотипизации.

Рассмотрим третью модель – «А имеет отношение к В (А связано с В)»:

Deutsche Auenpolitik – das war ber lange Jahre die Auenpolitik von Willy Brandt und Egon Bahr, Walter Scheel und Hans-Dietrich Genscher. Das war eine Politik, die unter den schwierigen Bedingungen des Kalten Krieges ganz entschieden auf Entspannung setzte. Auch gegenber den stlichen Nachbarn. Wandel durch Annherung – so hat Egon Bahr einst die zentrale These der Ostpolitik formuliert. Einer Politik, die wie keine andere dazu beigetragen hat, die Mauern auf unserem Kontinent einzureien (Deutschland 04.01.2008).

Метафора *die Mauern einzureien* представляет собой глагольно-именное словосочетание, выступающее в функции сложного дополнения, вынесенного за рамочную конструкцию. Эта синтаксическая эмфаза подчеркивает особую роль метафоры в рассматриваемом фрагменте. Так как метафора содержит историческую аллюзию на разрушение Берлинской стены, разделявшей Германию на Восточную и Западную, она должна вызвать у читателя чувство национальной гордости.

В данном случае использован один из важнейших приемов речевого воздействия – стереотипизация. Когнитивный процесс формирования стереотипов происходит на основе ассоциативных связей по модели "А имеет отношение к В", где В – один из прототипических концептов или концепт, опосредованно связанный с прототипом Добра или Зла. В рассмотренном примере А – это внешняя политика Германии, имплицитно подразумевающая образ «своих», то есть народ Германии. В – это стена, образ Зла, образ «чужих». Образ стены и ее разрушения вызывает у адресата ассоциации с событиями 1991 года, когда была разрушена Берлинская стена, разделяющая Западную и Восточную Германию.

Таким образом, метафора (*die Mauern einzureien*) в данном случае используется для реализации стратегии превознесения внешней политики Германии и должна вызвать у адресата гордость за свой народ.

Другой разновидностью третьей модели является прием «навешивания ярлыков», то есть установление ассоциативных связей по второстепенному признаку. Например:

Heusgen ist ein freundlicher Schlacks mit rahmenloser Brille und graumelierten Locken. Er ist 52 Jahre alt, wirkt aber deutlicher junger. Fast alle Mönner in Merkels Umgebung haben diese Jugendlichkeit, dieses Bubenhafte im Gesicht. Solange sie nicht reden, wirken sie merkwürdig unerwachsen, mehr wie Jungen als Mönner. ...

Merkel kennt diese Mönner, die mit den Händen in den Hosentaschen am liebsten über sich selber reden. Sie hat ihnen zahllose Niederlagen zugefügt. Aber sie hat auch gelitten unter ihnen.

Ihre Berater verkörpern den gegenteiligen Mönnerstyp. Sie sind zurückhaltend, fast weich. Sie sind klug, aber nicht gefährlich. Bei einer Dopingkontrolle müsste keiner von ihnen einen erhöhten Testosteronwert fürchten.

Во фрагменте разворачивается метафорическая модель советники Ангелы Меркель – мальчики по фреймам: внешность (*Fast alle Mönner in Merkels Umgebung haben diese Jugendlichkeit, dieses Bubenhafte im Gesicht. Solange sie nicht reden, wirken sie merkwürdig unerwachsen, mehr wie Jungen als Mönner*) и поведение (*Sie sind zurückhaltend, fast weich. Sie sind klug, aber nicht gefährlich*). Таким образом, в статье о команде Ангелы Меркель мужчины из ее ближайшего окружения с помощью обобщения (*fast alle Mönner, keiner von ihnen*) критикуются за пассивность и чрезмерную послушность их боссу. В отрывке четко прослеживается поляризация качеств мужчин-сторонников режима Меркель и ее противников. Если первым приписываются женские качества (*weich, zurückhaltend, usw.*), то вторым – излишняя брутальность (*diese Mönner, die mit den Händen in den Hosentaschen am liebsten über sich selber reden*)

Общая метафоризация человеческого сознания обуславливает все большее распространение метафорических образов в политическом дискурсе [2]. Метафорический образ понимается нами как «квант содержательной информации в его живости и непосредственности, с минимальными языковыми затратами и максимальным коммуникативным и прагматическим эффектом, представленный средствами вторичной косвенной номинации» [11, 144-145]. В основе немецкой политической метафоры лежат два концепта СВОЙ и ЧУЖОЙ, а также метафорические образы Гитлера, Сталина, медведя, женственности и мужественности, реализующие эти концепты. Наблюдения показывают, что семиотическая категория "свои-чужие" является одной из базовых

когнитивных категорий в политическом дискурсе. Продуктивность этой категории объясняется ее гибкостью, удобством и простотой в плане манипуляции сознанием: автор превозносит или оправдывает "своих", "наших" и дискредитирует, осуждает "чужих".

Для категоризации окружающей действительности (в том числе и на базовые категории «свои – чужие») активно используется метафора, наиболее точно и образно передающая авторскую интенцию. Метафоры помогают нам осмыслить достаточно абстрактные и внутренне неструктурированные понятия в терминах более конкретных и легкоструктурируемых [8].

Каждая метафора формирует модель восприятия политической действительности, в которой отражаются представления о роли и месте действующего политического субъекта. Эффективность метафоры в политическом дискурсе заключается, прежде всего, в незаметности для массового потребителя, что, в свою очередь, позволяет воздействовать как на его сознание, так и на бессознательные компоненты его психики. Таким образом, метафора является не только средством украшения речи и привлечения внимания потенциальных избирателей, но и средством манипуляции их сознанием. Вырабатываются речевые стратегии переработки поступающей информации: дискредитации, превознесения (оправдания), категоризации, обобщения опыта индивида и социума.

Речевая стратегия дискредитации характеризует политическую метафору современного периода: «весь «арсенал» метафор используется, прежде всего, для изображения негативных сторон политики, ... в целом для «разоблачения», точнее – образного обрушивания политического противника» [6].

Литература

1. Баранов А.Н. Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность. 2004. № 2.
2. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новаторство. М., 1991.
3. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.
4. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 153-172.
5. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006.
6. Ермакова О.П. Об иронии и метафоре // Облик слова. М., 1997. С. 48-57.
7. Керимов Р.Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2005.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.
9. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1995.

10. Теория метафоры / под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 1990.

11. Хахалова С.А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. лингв. ун-та, 1998

12. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград, 2000.

Literature

1. Baranov A.N. Metaphorical sides of the corruption phenomenon // *Obschestvennye nauki: i sovremennost'*. 2004. № 2.

2. Baranov A.N. Kasakevich E.G. Parliamentary debate: traditions and innovations. M., 1991.

3. Baranov A.N., Karaulov Y.N. Russian political metaphor (materials to the dictionary). M., 1991.

4. Black M. Metaphor // *Teoriya metaphori*. M.: Progress, 1990. P. 153-172.

5. Budaev E. V., Chudinov A.P. Metaphor in the political interdiscourse. Ekaterinburg, 2006.

6. Ermakova O.P. About irony and metaphor // *Oblik slova*. M., 1997. P. 48-57.

7. Kerimov R.D. Artefactual conceptual metaphor in the German political discourse: Thesis ... candidate of phil. science. Kemerovo, 2005.

8. Lakoff J., Johnson M., Metaphors we live by // *Teoriya metaphori*. M.: Progress, 1990.

9. Sternin I.A. The lexical meaning of the word in the speech. Voronesh, 1995.

10. The theory of metaphor. Edited by N.D. Arutyunova. M., 1990.

11. Chachalova C.A. Metaphor in the aspects of language, thought and culture. Irkutsk: Publisher of the Irkutsk State Linguistics University, 1998.

12. Sheigal E.I. Significs of the political discourse. M.; Volgograd, 2000.

Сведения об авторе

Орлова Елена Леонидовна – ассистент кафедры иностранных языков филологического направления Бурятского государственного университета, аспирант кафедры немецкой филологии Иркутского государственного лингвистического университета.

Рабочий адрес: Иркутский государственный лингвистический университет, 664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, E-mail: Leonika@bk.ru

About the author

Orlova Elena Leonidovna – assistant of the Foreign Languages Chair of Buryat State University, a postgraduate of German philology Chair of Irkutsk state linguistic university.

Address: 664025 Russia, Irkutsk, Lenin st., 8, E-mail: Leonika@bk.ru

УДК 81'272

ББК 81.001.2

М.А. Полянская

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КИТАЯ: РАЗНОВИДНОСТЬ ИЛИ ВАРИАНТ

Настоящая статья посвящена анализу статуса английского языка Китая на языковой карте мира. В ней затрагиваются и раскрываются такие вопросы, как: считать ли АЯ Китая разновидностью или вариантом мирового английского языка, вторым или иностранным языком в Китае. Такого рода исследование вносит дальнейший вклад в развитие теории World Englishes, и в целом в социолингвистику.

Ключевые слова: английский язык Китая, межкультурная коммуникация.

М.А. Polyanskaya

CHINA ENGLISH: VARIETY OR VARIANT

The present article is devoted to the status of China English. It raises a very important issue whether to consider China English a variety or variant, foreign or second language in today's globalized world. The article contributes to further development of the theory of World Englishes and sociolinguistics in general.

Key words: China English, cross-cultural communication

Начиная с 1980 г. образовательная политика в области обучения английскому языку (АЯ) в Китае ставит целью внедрение АЯ на все уровни образовательной системы страны. Данное обстоятельство связано с необходимостью интегрироваться в мировое сообщество, где английский язык выступает как посредник в межкультурной коммуникации [Liao 2004: 270].

История изучения АЯ в Китае начинается с 1664 г., когда британские колонисты основали торговый порт в провинции Гуанчжоу (Guangzhou). Формальное изучение АЯ как иностранного началось в 1862 г., с момента создания первой школы по изучению иностранных языков.

Вплоть до основания КНР в 1949 г. история изучения АЯ имела взлеты и падения из-за отсутствия четко скоординированной внешней политики, в том числе и отношений с англоговорящими странами. Хронологически историю изучения АЯ в Китае можно разделить на 4 этапа, начиная с 1949 г. [Pride, 1998, 41]:

1. 1949-1960 гг. Тесное сотрудничество с Советским Союзом и напряженные отношения с США приводят к тому, что АЯ вытесняется русским языком. Последний проникает во все уровни образовательной системы Китая.

2. 1960-1966 гг. Улучшение отношений с США привело к пересмотру политики в области